

«Начался реванш людей, которые считают, что элиты о них забыли»

Федор Лукьянов, главный редактор журнала «Россия в глобальной политике», председатель президиума неправительственной организации «Совет по внешней и оборонной политике»

Из выступления в ходе дискуссии на Экспертном клубе ВЦИОМ «Платформа»

Мировые элиты никак не могут понять, что происходит со всеми теми, кем они, по идее, должны управлять – собственное население все больше от этих элит дистанцируется. Избирательная компания в Соединенных Штатах – ярчайший тому пример. Республиканская партия вообще в руинах, ни один из кандидатов от истеблишмента не смог прорваться сквозь сито праймериз. У демократов тоже очень показательная ситуация. Берни Сандерс, открыто объявивший себя социалистом, конечно, проиграет, но драйв на его стороне, за него молодежь, за него те, кто считает, что назрели перемены.

Проблема лагеря Хиллари Клинтон в том, что в нее по-настоящему не верят даже многие из тех, кто ее поддерживает. Она – представитель сходящих со сцены кланов. Ведь американская политика – очень клановая, династическая. Это сейчас вызывает максимальное отторжение.

Почему так происходит? Мировая элита глобализировалась. Она объединяет истеблишмент – американский, французский, немецкий, хорватский, китайский и т.д. По сути, у разных «высших классов» друг с другом больше общего, чем с теми национальными сообществами, которые они представляют. Это раз за разом выскакивает наружу. Недавнее «панамское досье» вызвало в мире бурную реакцию. Почему? Потому что в самый неподходящий момент

выплеснуло еще одно подтверждение того, что все это элитное сообщество, говоря несколько утрированно, прячет деньги в офшорах, пока их соотечественники рискуют потерять свои сбережения на своей родине.

Так что, на мой взгляд, мир находится на переломном рубеже. Действующая модель глобализации достигла предела, за которым встает дилемма: либо реальное мировое правительство, во всяком случае – правительство, которое управляет обширными территориями, сообществами и блоками, либо движение глобализированных элит назад, к своим корням, без которых они, на самом деле, не имеют легитимности.

История после холодной войны показала, что идея доминирования над расширяющимися пространствами не срабатывает, это мы видим, например, в случае с Европейским союзом. Должен быть предел, просто с точки зрения управляемости. А значит, хоть мир и останется взаимозависимым, но он больше не будет целостным. На очереди реванш людей, которые считают, что элиты от них оторвались, забыли о них и знать не хотят, что им надо.

В элитах великих лидеров, на мой взгляд, сейчас нет вообще. То есть нет тех, кто смотрит вперед и ведет свою страну в понятное им будущее. Дело не в дефиците ума или воли. В глухом тумане, который окутал современный мир, можно только нащупывать правильный путь, но перспективы – не видно. А если она даже мерещится, то все время меняется. Искривленное пространство: кажется, что идешь в одну сторону, а на самом деле – попадаешь в другую.

Поэтому сегодня лидеров не стоит оценивать с точки зрения их стратегического мышления. Ведь оно почти невозможно. Единственный критерий – способность правильно реагировать на постоянно возникающие текущие вызовы, держа в голове хотя бы минимальную дистанцию вперед. Например, считается, что в Китае очень сильный лидер. Но и он пытается угадать, не более того.

Максимум, что в его силах – видеть, каким Китай когда-нибудь должен стать, и на каждом шаге к этой великой цели стараться не делать крупных ошибок.

Интересен феномен Барака Обамы. Я думаю, когда схлынет пена, станет ясно, что Обама – не «тряпка», как о нем сегодня в Америке многие думают. Он совсем не «слабак», у него другая проблема. Он лишен эмоций и ко всему подходит сверхрационально. Но в американской политической культуре лидер должен идти на риск и доказать, что он способен побеждать.

Ли Куан Ю, человек очень ясного и четкого мышления, без каких-либо примесей идеологического мусора, когда-то сказал об Обаме так: «Он очень умный человек, он все понимает, но у него ничего не получится, потому что он – человек компромисса. Хочет всех собрать, договориться, но в Америке это не проходит. Там политическая культура построена на конфликте, столкновении и победе в нем».

Обама не готов идти напролом, потому что очень хорошо понимает риски современного мира. В отличие от остального американского истеблишмента, он сознает: Америка больше не может вести себя так, как она вела себя до сих пор. Понимать-то он это понимает, только не знает, что с этим делать. И то, как он на это реагирует, выглядит как отступление. Именно в этом проблема современных лидеров – они не понимают, как вести себя в этом новом мире.

Естественно, когда мы говорим о великих лидерах, возникает вопрос, а что с нами? Да, Путин – тоже интересный феномен. Но он неправильно описывается. С одной стороны – демонизация, с другой – сотворение кумира. Это мимо. Путин, как мне кажется, соответствует современному миру. Потому что, на самом деле, он не стратег – он фаталист. Он реально считает, что можно, конечно, сегодня сочинить любые стратегии, но зачем, если завтра все развернется совсем в другую сторону. С его точки зрения, в этом абсолютно непредсказуемом мире есть лишь одно качество, которое спасает: в любой момент быть готовым к любым

переменам.

Настал еще один день, внезапно что-то случилось. Каков порядок действий? Реагировать немедленно, резко, в идеале непредсказуемо. Чтобы не тебя застали врасплох, а наоборот. Чем, собственно, наша страна в последнее время почти исключительно и занимается.

Прошлые эпохи учат нас, что любой туман когда-то расступается перед сильным лидером-визионером. Но раньше способность к провидению все-таки требовалась прежде всего для масштаба своего сообщества. Но в полностью глобализированном мире визионеру пришлось бы менять весь мир, а не страну. Он не может изменить «отдельно взятую страну», которая стала слишком зависима от всего мирового контекста. Таких лидеров, мне кажется, не может быть – чтобы взять и перевернуть весь мир. Хотя, посмотрим...

Насколько реальна перспектива большой войны? Под большой войной мы понимаем мировые войны из недавней истории. Трудно представить себе такую войну сейчас, потому что фактор ядерного оружия, хотя он и переживает эрозию, все-таки еще действует. В противном случае тот масштаб перераспределения мирового влияния, который происходит в последние 10-15 лет (сдвиг в Азию, резкий рост Китая как мирового политического фактора), без большой войны не обошелся бы.

Но есть, конечно, и риски. В частности, если ядерное оружие будет применено в локальном конфликте. Прежний страх перед ним заметно умерился. И если возникнет прецедент, может упасть табу: оружие применено (тактическое), но мир не рухнул. В таком случае ядерные арсеналы перейдут из категории «оружия судного дня» в категорию просто оружия, которым, в принципе, можно пользоваться для решения текущих проблем. А там уже все непредсказуемо. В политике ведь как? Слово за слово, «не потерять лицо», «дать им понять, что мы не потерпим» – и вдруг ты в ситуации, когда не реагировать уже нельзя, а все иные способы исчерпаны...

Новый мировой порядок будет формироваться практически ощупью.

Сегодня возможна череда локальных конфликтов, которая в той или иной степени вовлекает мировые державы, все время провоцируя их на столкновение. Украина – первый случай такого рода. Сирия – второй. Способы воздействия на оппонента включают в себя все средства, в том числе военные.

Но, на самом деле, применение военной силы – далеко не самый эффективный метод. Что показал опыт США на Ближнем Востоке? Это ничего не решает. Можно «вбомбить Афганистан в каменный век». И что? Ничего не изменилось. Стало только хуже. То же самое – применение силы в Ираке. У России, кстати говоря, опыт далеко не такой провальный. Там, где мы применяли силу (выносим за скобки моральные факторы), достигался нужный результат, хотя цена бывала и крайне высокой (Чечня, например).

Так что военная сила свое значение не потеряла, но она перестала быть универсальным способом для установления международной иерархии. Поэтому «большая война», скорее всего, будет выглядеть как глобальное политико-экономическое соперничество с локальным применением военной силы. Не напрямую против соперника, а для того, чтобы где-то нажать на его интересы, в отдельных местах. □ Наверняка, эта война будет идти совсем по-другому, чем мы себе представляем. Так что, возможно, она уже идет, просто мы не замечаем. Формирование нового мира, где не будет доминировать глобальное целое, а элитам придется обратиться назад к своим корням, где мир будет фрагментированным, хотя и останется связным, по-видимому, уже происходит.

В этом общем контексте фундаментальная проблема – болезненный западоцентризм нашего мышления. Причем «прозападность» и «антизападничество» это на самом деле две стороны одной медали. Сначала кидаемся в объятия и хотим, чтобы нас любили, а потом восклицаем, что мы вообще не европейцы и горите вы огнем в своем адском пламени. Это ровно тоже самое, только с обратным знаком.

Задача России на ментальном уровне преодолеть эту тяжелую зависимость от Запада как точки отсчета. Мир изменился. И в этом новом мире Азия будет играть значительно большую роль. Точкой отсчета для США она уже является.

Например, у нас объявлено в качестве основного приоритета сопряжение с Китаем. Прошел год. С одной стороны, год – не так много времени, чтобы судить и вешать ярлыки. Но, по всем косвенным признакам, ситуация выглядит так: как ничего не было, так ничего и нет. И это не потому что, отсутствует политическая воля, а потому что так работает наш государственный аппарат.

Китайцы, надо сказать, с нарастающим изумлением смотрят на нас. Там тоже своих проблем выше головы. Но если решение принято, тысячи чиновников, экспертов и всякого рода специалистов бросаются на выполнение поставленной задачи. Они не могут понять: хорошо, у вас другая система, но почему у вас вообще ничего не происходит?

Еще один важный момент состоит в том, чтобы учесть Японию и АСЕАН, строя наш восточный вектор. А менять приоритеты на Восток, на мой взгляд, совершенно необходимо. Риск заключается в том, что Восток у нас станет синонимом Китая. А замыкаться на один Китай – значит обречь себя в недалекой исторической перспективе на зависимость. Поэтому России нужно максимально диверсифицировать свои восточные связи. Мне кажется, российское руководство на понятийном уровне это хорошо осознает. Отсюда игры, которые ведутся с Японией. Это, безусловно, отражение понимания того, что нужен еще один, как минимум один, серьезный партнер в этой части мира.